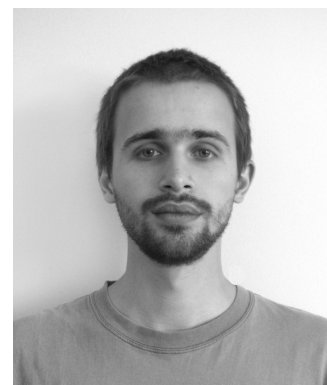

Как подходят к избирательной урне прогрессивные партии.
Рисунок из иллюстрированного приложения к газете «Киевская мысль». Худ. Кадулин В.Ф. 1907.
С сайта: <http://bizslovo.org/content/index.php/uk/istoriya-nikopolya/148-pochat-xx-st/253-yak-u-nas-golosuvaly.html>

УДК 32.019.5

Сизов И.В.

Теория постматериалистической трансформации ценностей и политическое пространство современной России

Сизов Илья Владимирович, аспирант кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова
E-mail: isizov@gmail.com

В статье рассматриваются основные аспекты процесса постматериалистической трансформации ценностей, взгляды исследователей на его роль в социальных и политических процессах современных западных демократий. Анализируется возможность применения теории постматериалистического ценностного сдвига к исследованию проблемы политического участия в современной России.

Ключевые слова: постматериалистические ценности, постиндустриальное общество, политическое участие, политические ценности, электоральная активность.

В российской политической науке последних лет одним из убеждений, разделяемых большинством исследователей, стал тезис о значительном влиянии экономической стабильности 2000-х годов на социально-экономическое положение россиян, их социальное самочувствие, ценностные ориентиры и политическое поведение. Социологические исследования фиксируют рост среди граждан оптимизма по поводу как своего материаль-

ного положения, так и положения страны в целом¹. Однако характер этих изменений оценивается по-разному. В дискуссиях социологов и политологов отмечаются опасения по поводу низкой политической активности граждан, ослабления общественных связей и перемещения социально-политической жизни на периферию интереса людей, погруженных, прежде всего, в свою частную жизнь². Даже те, кто отмечают положительные стороны социально-политических изменений, а именно формирование в России широких социальных слоев, ориентированных на ценности личной ответственности, самостоятельного выбора и частной жизни, свободной от вмешательства государства³, вынуждены констатировать атомизированность и политическую индифферентность общества наряду со слабостью и неэффективностью социально-политических институтов.

Какими бы ни были оценки исследователей, большинство из них признают пройденным этап, когда перво-степенной для россиян была ценность физического выживания, и демонстрируют склонность к поискам параллелей между сегодняшней Россией и западными странами, где социальные науки уже не одно десятилетие фиксируют изменения в ценностной сфере, индивидуализацию общества и модификацию форм политического участия. В данной статье мы хотели бы остановиться на специфике связи ценностной трансформации и изменения характера политического участия, произошедших в западных демократиях, и оценить возможность применения этих механизмов к анализу российской социально-политической реальности.

I

Феномен технологически и экономически обусловленной трансформации ценностей в развитых индустриальных обществах оказалась в фокусе интереса западных интеллектуалов во второй половине XX века. Сначала постиндустриалисты обратили внимание на зависимость значительного технологического сдвига и ценностной сферы. Исследования Дэвида Рисмена⁴ и, впоследствии, Дэниела Белла⁵, вышедшие в конце 1950-х – начале 1960-х гг., обращали внимание на масштабы технологических перемен и осязаемое отличие современного им общества от всех предшествовавших. Теоретики постиндустриализма обратили внимание на тот факт, что с ростом акцентированности производства на высокотехнологичные процессы, требующие от специалистов особого знания, изменялась не только структура экономики (в которой начинали преобладать наукоемкие отрасли), но и потребности и жизненные интересы людей. Так, Д.Рисмен отмечал, что в среде американцев существенно снижалась значимость обладания теми или иными, ранее престижными, благами, а Теодор Розак связывал наступление постиндустриальной эпохи с освобождением от давления материалистической направленности индустриального капитализма и надеялся на последовательное смещение ценностных ориентиров в духовную, интеллектуально-эстетическую сферу⁶. Подобная идея в том или ином виде питала многие направления критической западной мысли. Ее можно найти в ранних социалистических утопиях в виде мечты о свободном развитии способностей человека, не стесненном необходимостью заботы о своем существовании, или в теории Маркса об отчуждении в условиях капиталистического общества и самораскрытии человека в условиях коммунизма. Вообще многие теоретики постиндустриализма были интеллектуалами левого лагеря, а сами идеи постиндустриализма как преодоления технологической и социально-экономической ограниченности созвучны теориям неомарксизма, в частности, Г.Маркузе. В статье «Конец утопии» он писал о возможности ценностных сдвигов в современном ему обществе – «отрицания потребности в борьбе за существование; отрицания потребности зарабатывать на жизнь; отрицания принципа производительности труда, конкуренции; отрицания потребности в опустошительном, губительном производстве, неразрывно связанном с разрушением; и отрицания потребности в лицемерном подавлении инстинктов»⁷.

Исследования второй половины XX в., в частности, работы Роналда Инглхарта⁸, опиравшиеся на широкую эмпирическую базу, позволили говорить о теории ценностного сдвига как достаточно обоснованной и во многом подтвердили ожидания теоретиков постиндустриализма и неомарксизма. Основная зависимость, прослеживаемая Инглхартом, состоит в том, что система базовых ценностей эпохи модернизации, подкрепленная протестантской этикой и оправдывавшая накопление и движение ко все большему богатству, являлась отражением ситуации неуверенности, необеспеченности, необходимости борьбы за физическое существование. Беспрецедентный же экономический рост, последовавший за Второй мировой войной и государство благосостояния, обеспечивавшее относительно равномерное распределение благ этого экономического роста, подкрепило у людей чувство экзистенциальной безопасности и способствовало движению жизненных ориентиров от ценностей достатка к ценностям качества жизни, общения, самовыражения, интеллектуального и эстетического удовольствия.

Этот сдвиг был частным проявлением ситуации постмодерна с характерным для нее разрушением

¹ См.: Петухов В.В. Эпоха Путина и динамика социальных перемен // Россия реформирующаяся. Вып. 7. М., 2008. С. 354.

² См.: Бызов Л.Г. От кризиса ценностей к кризису институтов // Свободная мысль. 2008. №5. С. 35–44.

³ См.: Петухов В.В. Указ. соч.

⁴ Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society // Larabee E., Meyerson R. (Eds.) Mass Leisure. Clencoe (111). 1958.

⁵ Bell D. Notes of the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. №7.

⁶ См.: Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. №2. С. 165–175.

⁷ Маркузе Г., Конец утопии // Логос. 2004. № 6. С. 22.

⁸ Inglehart R. Silent revolution. Princeton University Press, 1977; Inglehart R. Cultural shift in advanced industrial society. Princeton University Press, 1990.

коллективных, предустановленных вариантов жизненного выбора. Описываемые пост-материалистические ценности предполагают поиск человеком своего места в жизни не в рамках известных и предлагаемых социальном порядком паттернов, а более автономно и инновационно. Исчезновение острого классового противостояния с ярко выраженными социальными расколами понизило значимость выбора человеком своей судьбы в рамках широких социальных общностей, и коллективные жизненные пути утратили свою привлекательность. В таких условиях социальная и политическая активность, выходящая за пределы собственного «я», не представляется оптимальным путем достижения личного счастья.

В этой точке западное общество сталкивается с опасностью, которая состоит в атрофии форм социально-политической коллективности, в углублении человека, несмотря на кажущийся триумф гражданского общества, внутрь собственного жизненного пространства, затрудняющего проявление коллективного в политической и социальной жизни. Среди исследований, посвященных анализу этого состояния, нам бы хотелось отметить работы британских социологов Ричарда Сеннета и Зигмунта Баумана.

В своей работе «Падение публичного человека»¹ Ричард Сеннет обращает внимание на то, что пространство большинства государств в глазах его граждан более не воспринимается как гомогенное, скрепленное социальными связями и общностью судеб. Более того, граждане не чувствуют своей ответственности за происходящее на государственном уровне и не видят взаимосвязи между собственными интересами и государственными. В итоге публичная сфера обезличивается и теряет привлекательность. Видный польско-английский социолог Зигмунд Бауман, исследования которого охватывают широкий спектр проблем алтерглобализма и постмодернизма, видит ключевую характеристику современного общества в его атомизированности и индивидуализированности. По мнению Баумана, человек теряет понимание того, что условия жизни, в которых ему приходится существовать, решая свои проблемы и зачастую преодолевая неудовлетворительность этих условий, вовсе не являются неизменными, а зависят от выбора социальной общности, к которой принадлежит человек. Отмечаемое Бауманом стремление быть хозяином своей судьбы, которое очень похоже на постматериалистическое стремление к самореализации Инглхарта и идет с ним рука об руку, вызывает, по мнению Баумана, падение внимания к коллективно определяемым условиям социальной среды. В итоге, как отмечает Бауман, человек приходит к мысли о том, что «жизнь каждого человека – это совокупность альтернатив, но той форме общества, в которой она проходит, альтернативы нет», и «в результате «личное» и «общественное» позиционируются в двух разных мирах, не связанных друг с другом»².

Описанные выше ценностные и социальные изменения неизбежно приводят к трансформации форм политического участия. Если для индустриальных обществ массовое электоральное политическое участие было основным, то ценность вариативности и возможности выбора снижает привлекательность массовых политических партий. Инглхарт говорит о том, что массовые, ориентированные на социальные расколы партии с их долгосрочными программами более не могут управлять электоратом, который «не желает долее быть дисциплинированным войском». По мнению Инглхарта, это приводит к тому, что активность граждан «смещается с голосования на все более активные и более проблемно-специфицированные формы массового участия», а также «растущий сегмент населения начинает в свободе выражения и политическом участии усматривать скорее нечто самоценное, чем просто возможное средство достижения экономической безопасности»³.

Исследователи также отмечают растущую оценку европейцами собственной политической компетенции как предпосылку их обращения к прямому и специфическому политическому участию в обход политических партий. Так, в отчете «Европейского социального исследования» отмечается: «Чем более политически компетентными ощущают себя граждане, тем более они склонны пытаться достичь своих политических целей – либо самостоятельно, либо совместно с людьми, которые разделяют их взгляды или интересы»⁴. Ввиду этого прогнозируется увеличение значимости неконвенциональных форм политического участия, а также снижение роли традиционных форм политической активности и уменьшение привязанности к политическим партиям.

Среди причин трансформации политического участия, которые выделяет З.Бауман, необходимо отметить ослабление государства как института контроля (в связи с чем изменения в своей жизни граждане все в меньшей степени связывают с государством), а также спонтанность и быструю изменчивость современного мира, затрудняющие какое-либо планирование (что исключает из поля интереса политику, понятую как решение общественно важных проблем и определение общего для всех вектора). Граждане оказываются более заинтересованными в вопросах, имеющим непосредственное отношение к актуальному для них моменту: «чтобы сокращались очереди в больницах, уменьшалось количество нищих на улицах, в тюрьмах сидело бы все больше преступников, а вредные свойства продуктов выявлялись как можно скорее»⁵.

¹ Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2007.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. LIX.

³ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

⁴ Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте Россия и 25 стран Европы. Аналитический доклад. 2008. Март. С. 31.[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Analytical_report.pdf

⁵ Бауман З. Указ. соч.

В западных социальных науках наблюдается определенный консенсус в отношении признания индивидуализации общества и ослабления коллективной политической вовлеченности как состоявшихся фактов. Дальнейший вопрос состоит в том, как воспринимать эту тенденцию: как переориентирование общества и индивидов на иные, более подходящие для самореализации формы социального и политического, или как опасные тенденции, способные привести к деградации демократии и фрагментации общества. Нам представляется, что подобная постановка проблемы актуальна в данный момент и для России, где вопросы ценностных ориентаций, соотношения коллективизма и индивидуализма, характера политического участия россиян долгое время являются одними из наиболее дискуссионных.

II

В России объективное изучение ценностной динамики общества началось в конце 1980-х гг. (хотя первое исследование в рамках общеевропейских исследований ценностей было проведено в 1984 г.). Полномасштабные же социологические исследования в этой области стали проводиться с начала 1990-х. В 1991 г. этот вопрос был исследован методом личного интервью на всероссийской выборке объемом в 2000 человек, а затем, в 1993 г., Институт сравнительных социальных исследований провел исследование на базе вопросника, использовавшегося Инглхартом (выборка составила 1448 человек)¹.

Исследования первой половины 90-х говорили о том, что среди российского населения материалистические ценности являлись преобладающими. В результате опроса 1993 г. по опроснику Инглхарта введенный индекс материализма – постматериализма показал практически подавляющее тяготение россиян к первому полюсу. При этом «чистыми материалистами» могли быть названы около 21% опрошенных, а «чистыми постматериалистами» – лишь 0,1%². Эти цифры представляются нам закономерными и подтверждающими один из ключевых тезисов теории ценностных сдвигов Инглхарта. Если в развитых западных постиндустриальных обществах уровень экономической безопасности и среднего благосостояния позволял считать проблему выживания и материального благополучия решенной, то в России первой половины 1990-х гг. вопрос материальной безопасности был одним из самых болезненных и сложных. По данным опроса 1994 года, в качестве самого подходящего для описания своего состояния большинство респондентов выбирали слово «тревога»³. Это положение противоположно тому, которое видел Инглхарт в западных обществах, когда чувство стабильности, защищенности и обеспеченности позволяло переориентироваться на иные, сверх материального выживания, потребности. Неслучайно постматериалистические ценности самовыражения были слабо актуализированы в России. Так, стремление к власти, признанию, успеху были на тот момент ценностями-аутсайдерами⁴.

Характерной чертой постматериалистического общества является, согласно теории Инглхарта, переориентация людей с государства и «большой политики» на более специфические и адресные методы решения конкретных вопросов и усиление внимания к собственной судьбе и частной жизни. Социологические исследования первой половины 1990-х показывают интересный баланс этих ценностей в России. Ориентация на частную жизнь приобретала форму именно ориентации на материальное благополучие семьи и достаток, однако подчеркнутый материализм ценностной шкалы того времени не вызывал актуализации коллективизма, не способствовал, как это было в классовых индустриальных обществах, уплотнению социальной ткани. В России наблюдалось столкновение ценностей традиционализма, коллективизма и нового индивидуалистического вектора, а свое стремление к материальному благополучию россияне адресовали, минуя институты коллективного политического действия, непосредственно государству. Таким образом, демонстрируя высокую ориентированность на материалистические ценности и государство, россияне при этом уже не были ярко выраженными коллективистами. Мы считаем, подобное положение дел может быть объяснено ситуацией повышенной нестабильности, обилия непрогнозируемых изменений и неуверенности в завтрашнем дне. Это именно это состояние «текучей», ускользающей и неподдающейся планированию современности, о которой писал Зигмунд Бауман⁵, отмечая роль психологического чувства неуверенности в окружающих социальных условиях, неспособности повлиять на них и необходимости самостоятельно определять свою судьбу. Это чувство, нарушающее связь частного измерения жизни человека с общественным, создает благоприятную для развития индивидуализма среду, что, на наш взгляд, и наблюдалось в России 1990-х.

Принимая за исходную точку этот период, описываемый такими характеристиками, как ярко выраженные материалистические ориентации, постепенное расставание с ценностями коллективизма, ориентация на государство и довольно высокий уровень вовлеченности в политику, мы можем на протяжении истории новой России наблюдать постепенное снижение политической активности при росте материального благосостояния и индивидуалистических ценностей.

Опросы общественного мнения фиксируют, начиная с конца 1990-х, последовательный рост социального

¹ См.: Андреевкова А.В. Материалистические/постматериалистические ценности в России. // Социологические исследования. 1994. №11. С. 73-81.

² Там же. С. 74.

³ Опрос ФОМ, июнь 1994 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/finfo1994/of1994_of1994_16/of19941605

⁴ См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.

⁵ Бауман З. Указ. соч.; Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

спокойствия россиян и их удовлетворенности собственным материальным положением. Мониторинговые исследования ИКСИ и ИС РАН свидетельствуют о том, что, если в 1999 г. 61% опрошенных считали ситуацию в стране кризисной, а 29% – катастрофической, то в 2006 г. эти показатели упали до 45% и 7% соответственно¹. С 1999 к концу 2007 года также выросла доля тех, кто считает свое материальное положение средним или хорошим (с 40% до 71%), и сократилась доля тех, кто считает, что живет бедно или очень бедно². Согласно теории Инглхарта, рост материальной безопасности должен вызывать снижение значимости материалистических ценностей, однако на основании данных российской практики это не находит подтверждения.

Как справедливо отмечает В.Магун, появление первых признаков улучшения материальных условий жизни не снижает, а наоборот увеличивает значимость материальных ценностей, поскольку люди, борющиеся за выживание и, наконец, получившие возможность зарабатывать, оказываются готовыми жертвовать многими условиями личного комфорта: они «отказывались от работы по специальности..., готовы были пожертвовать социальным признанием их работы со стороны окружающих..., а также свободой проявления собственной активности, которая воплощается в ценностях инициативы и ответственности»³. В то же время, в период с 1991 по 2004 г. можно проследить устойчивый рост значимости ценности хорошего заработка, остающегося для россиян ключевым аргументом при выборе работы⁴.

Однако стоит признать, что трансформация ценностной структуры, особенно если речь идет о макро-социальных изменениях, – это долгий процесс, и именно хронологический аспект ценностного сдвига является одним из основных в работах Инглхарта. В его теории существует две модели, которые вместе объясняют немоментальный характер этого процесса. Согласно первой, для человека ценным является то, чего ему не хватает в данный момент («гипотеза недостатка»), и это объясняет переориентирование на постматериалистические ценности в условиях экономического благополучия; вторая же говорит об особом влиянии ценностей, усвоенных в период социализации и утверждает, что они меняются очень медленно и трудно («гипотеза социализации»), и это объясняет существование временного лага между изменением социально-экономических условий и ценностным сдвигом. Согласно этой теории, находящей достаточно обоснованное эмпирическое подтверждение⁵, изменения ценностей в сторону постматериалистических стоит ожидать лишь в следующем поколении, когда во взрослую жизнь вступят те, кто в период становления своих убеждений застал время экономического благополучия и стабильности. В России, таким образом, только сейчас взрослеет поколение, возраст социализации и становления ценностной системы которого пришелся на стабильные 2000-е.

На данный же момент не представляется возможным констатировать сколько-нибудь существенный ценностный сдвиг в сторону постматериализма в сознании россиян. В то же время, данные эмпирических исследований констатируют невысокий уровень политической активности граждан. Если в европейских странах при снижении значимости электоральных форм участия растет значимость неэлекторальных форм, то в России и неэлекторальные формы также стоит признать атрофированными. По данным Европейского социального исследования, из шести стран, участвовавших в нем, самая низкая вовлеченность во все формы политического участия, помимо электоральных, была отмечена в Болгарии, Польше, Португалии, Венгрии, России и Турции. При этом доля тех, кто вообще не участвует в политике ни в каких формах, в России составляет 32%, а электоральная активность также ниже среднеевропейского уровня⁶.

Другой характерной чертой, роднящей нынешнюю Россию с западными странами, является сильная индивидуализация общества и утрата веры в эффективность коллективных действий. Заслуживает внимания тот факт, что во все периоды новой России ценность свободы не выходила из списка лидирующих ценностей, несмотря на все социально-экономические коллизии и отгесненность в последнее время либеральной парадигмы на периферию общественного сознания. Это связано с тем, что понятие «свободы» не воспринимается россиянами в контексте его нормативных и правовых значений и является не социальной и политической ценностью, а индивидуальным благом, возможностью «быть самому себе хозяином», ни от кого не зависеть. Эта максима очень похожа на идею вариативности человеческой судьбы, характерную для современных западных обществ. Возможность самому определять направления собственного развития, выбирать стили жизни, как оказалась, была очень важна для постсоветского человека, не была принесена в жертву экономическим интересам в 1990-е и расцвела в период стабилизации 2000-х. Благополучные в экономическом плане годы способствовали приближению российского общества к западным моделям социального развития. Эксперты отмечают, что «Базовые модели социально-экономической деятельности населения, несмотря на все деформации, в типологическом смысле становятся все более европейскими, ориентированными на рациональный индивидуальный выбор»⁷. Ориентация ценностей российского общества по оси «индивидуализм – коллективизм» хорошо ил-

¹ См.: Петухов В.В. Указ. соч. С. 354.

² Там же

³ Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991-2004 гг. // Российский журнал менеджмента, 2006. Т. 4. № 4. С. 54.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ См.: Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 46-55.

⁶ Европейское социальное исследование... С. 33. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Analytical_report.pdf

⁷ Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 1999. № 3. С. 34.

люстрируется результатами Европейского социального исследования, к которому Россия присоединилась в 2006 году. Опрос проводился на основании портретного ценностного вопросника, разработанного профессором Шаломом Шварцем¹ и осуществляющего классификацию ценностей посредством расположения на осях двух дихотомий: 1) открытость изменениям – сохранение и 2) амоутверждение – выход за пределы своего «Я». Данные исследования позволяют сделать вывод о том, что россияне в целом достаточно значительно и даже сильнее, чем граждане большинства других европейских государств, тяготеют к полюсу самоутверждения². Ценности «власти–богатства» и «достижения» преобладают у респондентов над ценностями «универсализма» и «благожелательности». Однако нельзя забывать, что ценность самоутверждения не является для большинства россиян постматериалистической. Они имеют в виду не выбор собственной судьбы, свободный от материального аспекта (как это мыслится в рамках теории постматериалистических ценностей), а достижение определенного социального статуса, места в обществе и т.п., которые непосредственно связаны с материальным достатком.

Таким образом, мы видим, что существенного сдвига к постматериалистическим ценностям в России так и не произошло, но при этом падение политической активности граждан – одно из самых внушительных в Европе, и уровень индивидуализированности общества тоже значительно превышает среднеевропейские показатели. Иными словами, мы обнаруживаем все симптомы постматериалистического общества без самих постматериалистических ценностей. Ввиду этого, нам кажется обоснованным искать причины атрофии форм политического участия в иных, нежели в западных демократиях, причинах. На наш взгляд, внимание стоит обратить, прежде всего, на отсутствие эффективных институтов, которые смогли бы обеспечить перевод личных проблем граждан в плоскость общественного решения. Деграция государственных и общественных институтов, ставшая одной из характерных черт 1990-х, заставляла граждан искать выхода прежде всего в собственных усилиях, при этом недоверие к сфере политического, уверенность в неспособности что-либо изменить становились аксиоматическими убеждениями. 2000-е годы, провозгласившие реанимацию сильного государства, также не решили проблему: коррупция и олигархизация продолжают блокировать эффективность политических и социальных институтов (Европейское социальное исследование фиксирует крайне низкие показатели доверия политическим институтам в России)³.

Многие исследователи, в частности, В.Петухов, справедливо отмечают обоюдный характер такой зависимости: не только отсутствие эффективных институтов провоцирует индифферентность общества, но и ослабление политического спроса на них снижает предложение. Изменения в социально-экономическом положении, стабильность 2000-х привела, по общему мнению социологов, к формированию значительного по численности класса, для которого физическое выживание и благосостояние не являются более главной потребностью (в силу ее удовлетворенности). Вырос класс тех, кто не ждет поддержки от государства, и в достижении ориентированных на себя целей надеется также на себя. Для них участие в политической жизни не обещает ощутимых выгод и никак не связано с представлением о собственном успехе, душевной гармонии и осмысленной жизни. Но этот класс сталкивается со значительным комплексом проблем социально-политического порядка. Как справедливо отмечает В.Петухов, прежде всего этим людям «требуются справедливые, прозрачные правила игры, законы, которые позволяют честно работать и честно зарабатывать, беспристрастные суды, которые могли бы защитить от произвола чиновников, милиция, которая берегла бы их здоровье, имущество и покой и, наконец, органы местного самоуправления и социальные службы, которые поддерживали бы социальную инфраструктуру»⁴.

На данном этапе решать все эти проблемы сталкивающиеся с ними россияне пытаются адаптированными к каждому конкретному случаю средствами, принимая эти неудобства системы как зло, затраты сил на борьбу с которым, однако же, представляются им нерациональными и бессмысленными. Тем не менее, на наш взгляд, именно в последовательном создании социальных и политических институтов, позволяющих гражданам решать свои насущные вопросы, лежит путь к решению проблемы. Россияне, как и граждане западных демократий, все в меньшей степени интересуются вопросами долгосрочного политического планирования и определения вектора развития страны. Но в Европе и США происходит постепенная, ценностно и социально обусловленная атрофия социально-политических институтов, потерявших актуальность в постматериалистическом обществе. В России же прогнозировать расставание с доминированием ценностей материализма можно лишь со вступлением во взрослую жизнь поколения, формирование личности которого пришлось на 2000-е. Однако как в 1990-е отсутствовали эффективные институты решения проблем материального благосостояния, так и в настоящий момент нет инфраструктуры, социально-политических гарантий и механизмов политического вмешательства граждан, обеспечивающих возрастающий и в значительной степени постматериалистический запрос на повышение качества жизни. То есть проблема, в отличие от Европы, состоит не в сохранении

¹ См.: Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M. Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a different Method of Measurement // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. P. 519-542.

² Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. №1 (93). С. 43.

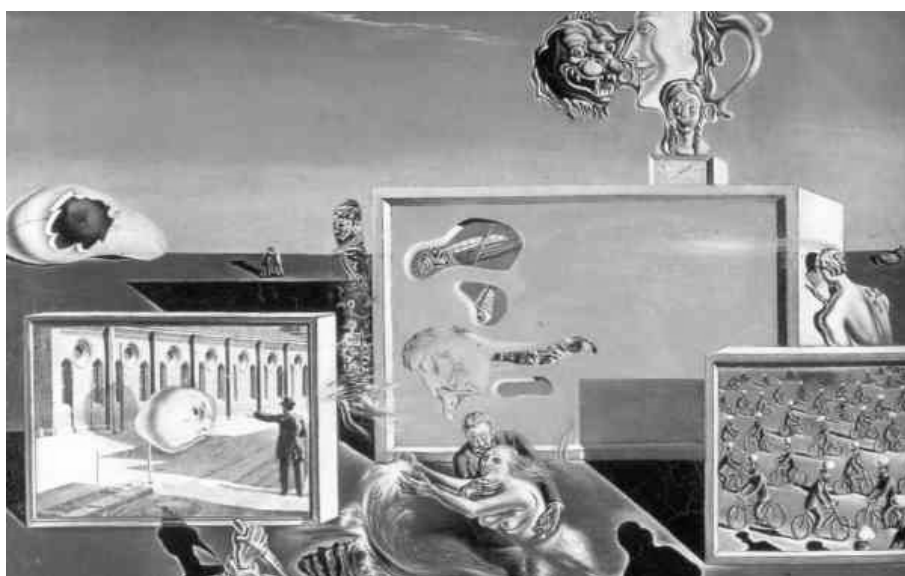
³ См.: Европейское социальное исследование... С. 36-39. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.essru.ru/fileadmin/templates/doc/Analytical_report.pdf

⁴ Петухов В.В. Указ. соч. С. 357.

и обретении «второй жизни» духом коллективного решения проблем и политического участия, а в создании этого практически с нуля. На наш взгляд, поиск путей преодоления индивидуализированности общества, преодоления ценностного и практического разрыва между личным и социальным, создания институтов, позволявших бы гражданам связывать личный успех с изменениями социально и политически обусловленных обстоятельств своей жизни, является одной из важнейших задач политической науки и социально-политической практики в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреевкова А.В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. №11.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
4. Бызов Л.Г. От кризиса ценностей к кризису институтов // Свободная мысль. 2008. №5.
5. Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении // Социологические исследования. 1993. № 4.
6. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
7. Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 1999. № 3.
8. Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте России и 25 стран Европы. Аналитический доклад. 2008. Март. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ess.ru/fileadmin/templates/doc/Analytical_report.pdf
9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
10. Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. №2.
11. Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991-2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4.
12. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. №1 (93).
13. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6.
14. Опрос ФОМ, июнь 1994 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/finfo1994/of1994_16/of19941605
15. Петухов В.В. Эпоха Путина и динамика социальных перемен // Россия реформирующаяся. Вып. 7. М., 2008.
16. Сеннет Р. Падение публичного человека. М. 2007.
17. Bell D. Notes of the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. №7.
18. Inglehart R. Cultural shift in advanced industrial society. Princeton University Press, 1990.
19. Inglehart R. Silent revolution. Princeton University Press, 1977.
20. Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society // Larabee E., Meyersohn R. (Eds.) Mass Leisure. Clencoe (111). 1958.
21. Schwartz, S.H., Melech, G., Lehmann, A., Burgess, S., Harris, M. Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a different Method of Measurement // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. P. 519-542.

Просвещённые удовольствия. Худ. Сальвадор Дали. 1929.